

СПб., 1902. С.42; Сведения о железных дорогах, составленные Департаментом железнодорожной отчетности Государственного контроля за 1900 г. Т.1. СПб., 1901. С.V–VIII.

- 22 Соловьева А.М. Из истории выкупа частных железных дорог в России в конце XIX века // Исторические записки. Т.82. М., 1968. С.116–117.
- 23 Струмилин С.Г. Статистико-экономические очерки. М., 1958. С.644–645.

*Неклюдов Е.Г.
(Екатеринбург)*

ГОРНЫЕ ПОДАТИ И САНКЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.¹

Подати с частных горных заводов в XIX в. являлись одной из важнейших доходных статей государства¹. Еще в XVIII в. было установлено несколько видов общих горных податей, без серьезных изменений действовавших и в первой половине XIX в. В первую очередь это была т. н. «десятинная» подать, которая собиралась с 1719 г. «Только требуем не больше, – записано в Берг-привилегии, – яко ж во иных государствах обыкновенно есть, десятую долю от прибытка к заплате Берг-коллегиум его служителям и на иные потребные к тому расхоть»². Однако уже вскоре такой, принятый по западноевропейскому образцу вариант «десятинного сбора» был признан неудобным из-за сложностей определения прибылей заводчиков. В итоге Берг-коллегия (5 февраля 1823 г.) и Сенат (16 января 1724 г.) пересмотрели прежнее положение и заменили «десятинную» подать с прибыли взиманием 1 коп. с пуда чугуна³.

Берг-регламент 1739 г. подтвердил новый принцип начисления «попудной» подати с чугуна «по тому основанию, почему платит дворянин Акинфий Демидов с одной домны» (3392 руб. с домны, выплавлявшей 100 тыс. пуд. чугуна в год), что увеличило подать до 3,4 коп. За выплавленную медь в виде горной подати по-прежнему бралась десятая часть «натурой». Кроме того две трети из оставшейся меди заводчики должны были «отдавать в казну... по настоящей или ходячей цене» (медь необходима была казне для чеканки монеты)⁴. По высочайшему повелению от 15 апреля 1764 г. была сохранена прежняя десятина с меди, а размер попудной подати с чугуна повышен до 4-х коп.⁵

Следующее изменение в размере подати произошло только через 30 лет по именному указу от 23 июня 1794 г. «Известно, – объяснялось в нем, – что подати государственные, на железные и медные заводы издав-

на положенные, пребывают и ныне в том же количестве, когда напротив того с возвышением всеобщих цен возросли оные несравненно на железо и медь в прибыток хозяевам заводов». По этой причине «для пособия государственным потребностям» попудная подать с чугуна была поднята до 8 коп. для посессионных заводов и до 6 коп. — для владельческих. Оставшаяся натуральной подать с меди увеличилась тогда с 10 до 15 % для владельческих и до 20 % — для посессионных⁶.

«Для ободрения хозяев и содержателей медеплавильных заводов к вящему прииску и разработке рудников и к умножению выплавки меди на пользу Государства и в собственное их обогащение» по указу и манифесту от 3 октября 1797 г. «десятичная» подать с меди была понижена для обеих групп заводов на 5 %. В результате владельческие заводы вновь платили «натурой» десятую часть выплавленной меди, а посессионные — 15-ую⁷. Наконец, по «Высочайше конфирмованному» докладу директора Берг-коллегии М.Ф.Соймонова от 27 октября 1799 г., на содержание временно восстановленной тогда коллегии было предписано собирать «сверх установленной с заводчиков подати» дополнительно по 2 коп. с пуда чугуна с владельческих и по 4 коп. с посессионных заводов⁸.

С этого времени в течение всей первой половины XIX в. владельческие заводы платили по 8 коп. с пуда чугуна и 10-ю часть выплавленной меди, а посессионные — 12 коп. и 15 % соответственно. Попудная подать была лишь пересчитана после денежной реформы 1839 г. на серебро. По указам от 9 ноября 1839 г. и 10 июня 1842 г. владельческие заводы стали платить по 2,5, а посессионные по 3,75 коп. сер. с пуда чугуна⁹. Правда, по именному указу от 16 января 1807 г. «в вящее ободрение и распространение промышленности и торговли» было велено «при отпуске железа за границу во всех портах и таможах без изъятия возвращать заводчикам две трети той подати, которую они в казну с чугуна платят» и дозволялось «каждому заводчику выплавлять чугуна столько, сколько по собственным его расчетам найдет он для себя полезным, не полагая для того никакой определенной меры»¹⁰.

Временное повышение горной подати произошло накануне Отечественной войны. По манифесту от 11 февраля 1812 г. с 1 января того года она была удвоена. Но уже 29 декабря 1812 г. Сенат констатировал, что «от удвоения сей подати возвышение цен на металлы останавливает их распродажу, а потому уменьшить может и саму выработку». Тогда император повелел с 1813 г. «сей двойной пошлины не взыскивать, ос-

вободя от оной металлы, выплавленные в 1812 г., и впредь взимать с оных одни подати до того времени существовавшие». Вместо этого «по примеру прочих владельцев недвижимых имений» заводчики обязаны были вносить т. н. «процентный сбор» с чистого дохода. Многие из них тогда стали жаловаться на невозможность «объявить» годовой доход в срок из-за постоянных задержек в продаже металлов, а те, кто «объявил», указали такое мизерное количество дохода, что оказалось бессмысленным собирать с него подать. В итоге по манифесту 30 августа 1814 г. этот «сбор» был отменен, а накопившиеся недоимки и штрафы сложены и производимые дела «преданы забвению»¹¹.

К началу XIX в. помимо «десятинной» с меди взималась еще и т. н. «половинная» подать, заменившая установленную Берг-регламентом «двух-третнюю» обязательную продажу меди в казну. В манифесте 28 июня 1786 г. об учреждении Государственного Заемного банка было объявлено, что «с выплавки при партикулярных заводах по взысканию в казну выставкою на монетные дворы на денежное дело половинной пропорции меди, ту пропорцию полагали против выплавки при заводах в 1785 г., за исключением десятинного платежа, а если выше того количества выплавлено будет, то сего излишнего числа половинной на денежный передел меди уже не требовать, а оставлять в пользу заводсодержателя»¹². В отличие от «десятинной» подати, этот вид натурального налога не был безвозмездным изъятием продукции металлургических заводов. Он только обязывал половину из оставшейся после уплаты «десятины» меди поставлять на монетные дворы по установленной цене, которая, правда, была ниже рыночной. До «ободрительного» указа 3 октября 1797 г. она составляла 5,5 руб. за пуд, а с того времени была повышена до 7 руб. «с тем, чтобы рачительные хозяева и содержатели заводов воспользовались сим к приведению оных в наилучшее устройство». Если же заводчики «небрежением своим... приводили заводы в упадок» или не вовремя поставляли медь, то для них сохранялись прежние расценки¹³. Сбор «половинной» подати был отменен именным указом 16 января 1807 г. «Взимание в казну сверх десятинной подати половинной меди по 7 руб. за пуд отменить и брать с заводчиков одну только по законам установленную десятинную подать», – говорилось там¹⁴.

По аналогии с натуральной податью на медь «разрешительным» указом от 27 марта 1812 г., а позже указами 30 января 1824 г. и 13 апреля 1826 г. была установлена натуральная подать на золото, платину и серебро.

Не меняясь в течение всего последующего времени, платеж 10 и 15-процентной подати с горнозаводчиков оказался намного выше того, что платили золотопромышленники, добывавшие драгоценные металлы на казенных землях в Сибири и Оренбургском крае¹⁵. Со «цветных камней» горная подать не собиралась, хотя в 1820 г. Горный департамент решил, что к этому обязывают установки Берг-привилегии. Поводом к обсуждению этого вопроса послужил запрос управления Сысертских заводов о добывавшемся в Гумешевском руднике малахите. В 1821 г. Государственный Совет решил, что «взимание подати натурой с малахита и других цветных камней сопряжено со многими неудобствами как для правительства, так и для плательщика, потому что ценность взимаемого налогом вещества зависит не столько от количества, сколько от качества». Тогда же было решено оставить все «на прежнем основании». В результате в первую редакцию Горного устава 1832 г. вошло положение о том, что «со слюды, малахита и других цветных камней никакой пошлины в казну не взимать».

Между тем добыча малахита стала доходной отраслью не одного Сысертского округа. После открытия богатого Меднорудянского месторождения в Нижнем Тагиле значительные партии малахита стали поставлять на рынок Демидовы, превратившиеся фактически в монополистов по продаже этого дорогостоящего минерала. В виду того, что «добыча малахита становится значительной», Уральское Горное правление в 1833 г. вновь потребовало у департамента «определятельного разрешения» на сбор десятинной подати с малахита «по количеству выплавленной из него меди». Лишь в 1838 г. министр финансов «дал знать, что... не почитает себя в праве за силою столь положительных законов ни разрешить, ниже ходатайствовать о наложении на малахит какой-либо подати»¹⁶. Решение, поставившее точку в этом вопросе, было принято 25 октября 1843 г. Тогда Сенат определил, что со слюды, малахита и других цветных камней не взимается в казну никакой подати¹⁷. В 1845 г. такое же решение приняли и по алмазам до того времени, «пока добывание оных значительно усилится»¹⁸.

Второй разновидностью налога с горных заводов являлась т. н. «оборочная» подать, собираемая не с числа «заводских произведений», а с заводского оборудования. До указа 23 июня 1794 г. она составляла 100 руб. с домны и 5 руб. с медеплавильной печи в год. С того времени подать поднялась в два раза, причем это повышение касалось всех заводов,

независимо от их статуса¹⁹. По указу от 9 ноября 1839 г. «оброчная» подать была пересчитана на серебро и округлена. С каждой домны заводчики стали платить по 60 руб., а с медеплавильной печи – по 3 руб. сер.²⁰ В отличие от «десятинной» подати этот налог взимался даже, когда завод бездействовал. Он отменялся только после официального указа о ликвидации завода и уничтожении его оборудования.

В XVIII – начале XIX вв. были также установлены сроки и созданы механизмы сбора горных податей. 15 апреля 1764 г. Сенат указал «десятинную» подать с чугуна платить «по прошествии годѣ в январе и феврале безоимочно». По указу от 19 мая 1813 г. было разрешено денежные подати вносить в два срока, а именно в январе–феврале и в сентябре–октябре наступившего года. «Оброчную» подать с домен и медеплавильных печей вносили в январе и феврале каждого года²¹. Проект Горного положения 1806 г. установил, что «заводчик или заводская контора могут вносить подати в Горное правление, в Главное казначейство или в казенную палату той губернии, в которой или завод состоит, или сам заводчик при должности в службе находится, или имеет свой дом»²².

Натуральные подати по указу от 19 мая 1813 г. вносились за каждый прошедший год в январе, феврале и марте наступившего²³. Медь доставлялась самими заводчиками на Екатеринбургский монетный двор или в Горное правление²⁴. Золото и серебро сначала также доставляли в Екатеринбург, откуда металлы с «казенным караваном» отправлялись на Петербургский монетный двор, «с получением за каждый золотник чистого по пробам золота и серебра передельной цены золотою или серебряною монетою, за исключением передельных расходов». В Петербург доставлялась и платина, «но не иначе как в сыром виде, не исключая и самородков», которая вычета подати возвращалась владельцу в очищенном виде²⁵.

Поскольку податные недоимки оказались серьезной проблемой уже в середине XVIII в., параллельно развитию налогового законодательства устанавливались и менялись санкции против должников. По указу от 5 марта 1772 г. «за невзнос в срок десятинь» стали начислять по 6 % «из того расчета, что никто из заводчиков не захочет платить излишние проценты, следовательно и подать будут платить скорее»²⁶. Но должники, видимо, не торопились платить налоги, поскольку пеня взималась без различия «хоть за день просрочки, хоть за год». 10 сентября 1784 г. взыскание штрафа стало осуществляться «с расчетом»: за первый год

просрочки – по 6 %, а за последующее время еще по 6 % «на ту сумму, какая по день последнего платежа причитаться будет»²⁷.

Но большой пользы и это не принесло. В 1798 г. недоимка по меди, например, достигала трети общего объема подати. Из Канцелярии Главного заводов правления тогда отправились в 13 задолжавших хозяйств нарочные со «строжайшим предписанием о понуждении к скорейшей доставке недоимки». Им было приказано оставаться там до тех пор, «покуда не будет вся та медь из завода отправлена», и даже «остановить дело и продажу меди в посторонние партикулярные руки»²⁸. Вряд ли эта отчаянная мера начальства принесла пользу, поскольку роль курьеров выполняли солдаты «горной команды», которых не особо опасались заводские конторы и заводчики. Более действенная мера была предусмотрена Проектом Горного положения. Но и введение постоянной должности заводского исправника не привело к серьезному улучшению сбора горных податей. В 1809 г. Пермское Горное правление сообщало, что недоимки состояли уже на 33 заводчиках²⁹.

По указу от 19 мая 1813 г. санкции против должников были существенно расширены: 6-процентная пеня сохранялась, но в тех случаях, «где мера сия окажется недействительною», исправникам предписывалось «секвестровать из наличных или находящихся в разных местах металлов и изделий, неисправному заводу принадлежащих, такое количество, какое на выручку податей и пени достаточно быть может, предоставляя самому содержателю завода продажу оных за наличные деньги». Если секвестрованных металлов не хватало на уплату недоимок, то закон предусматривал продажу заводов «с публичного торга без всякого отлагательства». В этом случае недоимки взимались из вырученных от продажи денег³⁰.

Последняя мера вытекала из сенатского указа от 26 мая 1809 г., устанавливавшего санкции властей против заводовладельцев по более широкому кругу причин (казенные долги по ссудам и залогам, частные долги). Заводы, «на которых ненадлежаще поступается, отчего пришли они в упадок и недействие, а с тем купно и владельцы впали в долги казенные и партикулярные, не имея на zapлату оных других имений», по этому указу назначались «к публичной продаже... на удовлетворение кредиторов». Но в случае, если завод находился «не в упадке, а в полном действии», его нельзя было подвергать продаже «за долги владельца», а надлежало брать в опеку и выплачивать долги «из доходов заводских»³¹.

Последнее средство до указа 21 мая 1801 г. иногда использовалось властью в качестве «предупредительной меры» над «расточительными» владельцами из дворян. Но с того времени подобные опеки и попечительства отменялись, сохраняясь только «над имуществом и личностью» малолетних и сумасшедших из дворян (для купцов, мещан и разночинцев действовали сиротские суды) или над именьями до признания законных наследников, как то полагалось по общим гражданским законам³². Указ 1809 г. вновь допускал учреждение опеки над задолжавшими владельцами (если владельцев было несколько, то в опеку бралась только та часть, которая принадлежала должнику), причем независимо от их желания, сословной принадлежности и статуса заводов. В этом случае местные (уездные или губернские) дворянские опеки назначали, как правило, двух опекунов, которые брали на себя управление имением за фиксированную долю прибыли (6 %) и обязаны были сами изыскивать средства «на заводское действие». Владелец устранялся «от собирания и пользования доходами», которые поступали на уплату недоимок, и ему даже запрещался «въезд в просроченное имение»³³. По указу от 11 ноября 1836 г. в тех случаях, когда на подвергшихся опеке заводах «состояли горные недоимки или какие-либо задолжения из сумм горного ведомства», в состав опекунского управления по распоряжению горного начальства «отряжались» горные чиновники. Если же заводы состояли в залоге «банковых установлений», то и от них назначался «делегат» или его обязанности возлагались на горных чиновников³⁴. По указам от 16 января 1836 г. и 26 ноября 1840 г. опека над владельческими заводами могла быть введена и «в случае справедливых жалоб рабочих людей на недостаточное и стеснительное содержание»³⁵.

Разновидностью опекунского управления являлось также попечительство, устанавливавшееся в исключительных случаях по просьбе самого владельца и с разрешения императора. Так же, как и при опеке, владелец удалялся от управления, но назначение попечителей согласовывалось с ним. Ему же определялась фиксированная сумма «на проживание». За частные долги заводы, как правило, попадали «по запрещение» (владелец не мог совершать акты продажи, залога и пр.), но могло быть учреждено и т. н. «конкурсное управление», составлявшееся из кредиторов обанкротившегося владельца. По утвержденному 12 ноября 1830 г. мнению Государственного Совета конкурсы получили право продавать заложенные в банке имения должника³⁶.

Еще одной «обеспечительной мерой» власти являлся казенный присмотр над заводами, который (в соответствии с проектом инструкции 1858 г.) устанавливался в четырех случаях³⁷. Первый был связан с предоставлением заводам ссуд Горного правления. По указу от 19 мая 1813 г. заводчики могли получить отсюда денежное «вспоможение» (в 1813 г. установленного в размере не более 25 тыс. руб. асс. или 7500 руб. в пересчете на серебро) на срок до трех лет. По указу от 20 сентября 1825 г. им отдавались также суммы, остающаяся «за удовлетворением нужда непрременных работников». «Для обеспечения таковой ссуды» следовало секвестровать «готовосделанные металлы» Но, если «по каким-либо обстоятельствам» просроченная ссуда не могла быть обеспечена металлами, то «для предупреждения неприятностей... и для соблюдения казенного дохода» учреждался казенный присмотр, как правило, в лице того же заводского исправника или назначенного горного чиновника. Присмотру поручалось «без стеснения управляющих в хозяйственных их распоряжениях наблюдать, чтобы полученные ими всевозможные суммы были бы ни на что другое употреблены как на горное и заводское производство и на заготовление нужных для того припасов и провианта и чтобы металлы при заводах сих, таковым способом получаемые, и изделия из них были выпущены в продажу не иначе как с ведома и позволения Горного правления, а вырученные за них под его же присмотром деньги обращались на продолжение действия заводов и уплату задолженной суммы от казны». Казенный присмотр действовал, «доколе выданная на вспоможение сумма не будет уплачена»³⁸.

Два других случая являлись следствием задержки выплаты ипотечных или подтоварных ссуд из «кредитных установлений». Долгосрочные ссуды (от 5 до 37 лет) под залог заводов и крепостных с 1787 по 1812 и с 1823 г. предоставляли Государственный Заемный банк и с 1772 г. (с 1824 г. – только владельческим заводам) – сохранные казны Московского и Петербургского воспитательных домов по решению их Опекунских советов. Этими «кредитными установлениями» допускались перезалоги имений «по числу прибылых ревизских душ». В 1798 г. ипотечные ссуды на 25 лет выдавал Дворянский Вспомогательный банк из расчета дохода с имения. Краткосрочные ссуды под залог металлов с 1817 г. предоставлял Государственный Коммерческий банк. Уральские заводчики стали активно пользоваться его помощью после открытия по предложению герцога М.Лейхтенбургского 31 января 1847 г. Екатеринбургской конто-

ры банка³⁹. «Высочайшим указом» от 1 сентября 1859 г. производство ссуд из кредитных учреждений под залог недвижимого имущества было прекращено, а из Государственного казначейства ссуды производились «только в крайних случаях по уважению потерь от пожаров, наводнений и тому подобных бедствий»⁴⁰. На основании банковских правил по уведомлению о просрочке министр финансов отдавал распоряжение об установлении казенного присмотра со стороны Горного правления⁴¹.

В соответствии с указом от 26 ноября 1840 г. казенный присмотр устанавливался на посессионных заводах и «в случае справедливых жалоб рабочих людей на недостаточное и стеснительное содержание со стороны владельцев»⁴². По Положению о наказаниях 1845 г. в первый раз можно было «ограничиться напоминанием заводчикам об исполнении их обязанностей», но, если жалобы повторялись, посессионные заводы брались в казенный присмотр, а владельческие поступали в опеку, «принимая предосторожности для предупреждения между заводским населением неправильных толков, могущих повести к самому волнению». В этом случае обязанностью осуществлявшего контроль горного чиновника являлось составление и введение «особого штатного положения, сообразно местным условиям и применяясь к штатам казенных заводов». Предполагалось, что это новое «положение» разрешит возникшие противоречия и будет действовать после возвращения завода прежнему владельцу⁴³.

Высшей формой контроля над заводчиками являлось в первой половине XIX в. казенное управление. Официально оно было введено в перечень «обеспечительных мер» указом от 11 ноября 1836 г., хотя на практике применялось и раньше. Казенное управление учреждалось «не иначе как по каким-либо особенным уважениям, когда на то будет предварительное согласие министра финансов и воспоследует Высочайшее разрешение». Так же как при опеке или попечительстве, оно было сопряжено с полным отстранением обанкротившегося владельца от управления (но не владения, как это зачастую трактуется в литературе) и получения доходов, назначением управляющего со стороны горных властей и предусматривало государственное финансирование предприятий. Главной задачей казенного управления было недопущение остановки заводов до их продажи «с публичных торгов». Кроме того Горное правление должно было отрядить на заводы своих чиновников, которые вместе с заводским исправником составляли опись всего заводского имущества⁴⁴.

К мерам воздействия на задолжавших заводчиков относилось также установленное по указу от 15 августа 1845 г. наказание в форме двойной подати «за намеренную утайку или подлог» количества выплавленных металлов, заносившегося в «данные от правительства шнуровые книги для записи добываемых или выплавляемых металлов»⁴⁵. С того времени помимо этих книг Уральское Горное правление стало ежегодно требовать от заводских контор статистические сведения о производительности заводов с объяснением причин ее увеличения или уменьшения. Периодически составлялись также ведомости «о людях по частным заводам», о количестве устройств, штатных работников и пр. Согласно указа от 11 ноября 1836 г. все вышеназванные санкции против должников и «нерадивых» владельцев распространялись как на посессионные, так и владельческие заводы⁴⁶. Ко всем им относилось также февральское 1847 г. повеление «об изыскании средств к достижению хотя бы постепенной уплаты казенных недоимок рассрочкою оных и многими примерами рассрочек с высочайшего утверждения»⁴⁷.

Защита фискальных интересов являлась естественной функцией государства, «связанного заботой об источниках своих доходов», а потому, считали правоведа XIX в., и «меры, принимаемые для обеспечения настоящего и будущего благосостояния государства, не могут быть порицаемы». Важно только, полагали они, чтобы система податей не «обескровливала» промышленность и отвечала двум основным принципам: 1) чем ниже подати, тем лучше; 2) чем проще их исчисление, тем лучше⁴⁸.

Принятая в России система горных податей вполне отвечала второму условию, поскольку взимание подати «с количества продуктов» признавалось более простой, чем системы податей, взимаемых «с чистого дохода» или «валовой стоимости продукта» (попытка ввести налог с дохода в 1812 г. провалилась именно из-за сложности его исчисления). В этом отношении российские горные власти находились в более выгодном положении по сравнению с администрацией Англии, Пруссии, Австрии и Франции. В отношении величины попудной подати с чугуна и особенно «десятинной» подати с меди российские заводчики оказывались в более тяжелых условиях в сравнении с английскими (платившими от 0,5 до 1 % дохода) и прусскими (2 %) и примерно в равном положении с французскими (5 %) и австрийскими (11 %) горнопромышленниками.

Платеж 10-ти и тем более 15-процентной горной подати признавался специалистами середины XIX в. обременительным и «тягостно отзываются на развитии нашей промышленности». Добавление к этому государственных (в первую очередь подушной) и земских податей еще более усугубляло положение заводчиков. Однако, резкой критики со стороны самих заводчиков система податей в первой половине XIX в. не вызывала, хотя отдельные высказывания (в форме жалоб, а не требований или предложений; последние были выдвинуты только перед реформой 1861 г. в ходе работы Комитетов заводчиков по подготовке проектов крестьянской реформы⁴⁹) о значительности платежей встречаются в документах. По всей видимости, это было следствием комплекса причин: еще достаточно высокой нормы прибыли (при дешевом труде крепостных и льготном пользовании посессионерами природными ресурсами она могла достигать 100 и более %) ⁵⁰; практиковавшимися властью прощениями или отсрочками недоимок (например, по манифестам 30 августа 1814 г. и 22 августа 1826 г. и др.)⁵¹, стабильностью податей в течение всего периода, а также распространенным среди заводчиков мнением о престижности их заводской деятельности, приносящей реальную пользу государству.

«Непреклонная» в течение всей первой половины XIX в. позиция государства в отношении горных податей и усложненная система санкций также становится более понятной при сравнении организации российской горнозаводской промышленности с западноевропейскими вариантами. Несмотря на то, что российская казна имела собственные металлургические заводы, «прямой» доход она получала только от частной промышленности. Казенные заводы по указу от 22 сентября 1809 г. не могли продавать металлы (за исключением «остатков»), а действовали исключительно для удовлетворения потребностей армии и флота. Поэтому «капитальная» часть горных податей с частных заводов и шла на финансирование казенной горнозаводской промышленности⁵². В условиях фактически перманентного военного состояния России в первой половине XIX в. поступление горных податей становилось, поэтому, вопросом национальной безопасности.

Промышленность уральского региона приносила подавляющую часть доходов горному ведомству. Так, если в 1818 г. заводы 10-ти «замосковных» губерний (Тульской, Орловской, Калужской, Вологодской, Пензенской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Ярославской и Во-

лынской), подведомственных Московскому Горному правлению, внесли в казну 103269 руб. асс., то заводы всего 4-х «уральских» губерний (Пермской, Оренбургской, Вятской и Казанской), подведомственные Пермскому Горному правлению, – 1402675 руб., т.е. почти в 14 раз больше. В общем объеме горных податей посессионные заводы Урала вносили (среды на 1800 и 1861 гг.) 75–74 % подати с чугуна и 48–72 % – с меди. При росте производства чугуна (на 172 %) и особенно меди (на 392 %) и адекватном росте податей с этих металлов их сокращение до уровня владельческих заводов привело бы в 1861 г. к снижению государственного дохода на 328,5 тыс. руб. асс. и 8193 пуд. меди или четверти всего объема горной подати⁵³. Отказаться от такого источника бюджетных поступлений власть конечно не могла, как не решилась она и поднять или ввести новые горные подати под опасением упадка частных заводов, грозившего сокращением государственных доходов Главной заботой государства в первой половине XIX в. стала отладка механизма поступления податей и совершенствование системы предупредительных и карательных санкций против должников.

Примечания

- 1 Нисселович Л.М. История заводско-фабричного законодательства Российской империи. Ч.2. СПб., 1884. С.3.
- 2 ПСЗ–I. Т.5. № 3464. §10.
- 3 Манин В.А. Формы налогообложения за пользование землей горнозаводскими предприятиями на Урале в XVIII в. // Уральский исторический вестник. № 9. Проблемы экономической истории России: региональное измерение. Екатеринбург, 2003. С.64–66.
- 4 ПСЗ–I. Т.10. № 7766.
- 5 Там же. Т.16. № 12129; ГАСО. Ф.24. Оп.2. Д.1228. Л.94об.
- 6 ПСЗ–I. Т.23. № 17225; ГАСО.Ф.24. Оп.1. Д.2574. Л.859.
- 7 ПСЗ–I. Т.24. № 18179; ГАСО. Ф.24. Оп.23. Д.7238. Л.392–393об.
- 8 ПСЗ–I. Т.25. № 19164.
- 9 ПСЗ–II. Т.14. № 12867; Т.17. № 15734; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.494, 563.
- 10 ПСЗ–I. Т.29. № 22430; ГАСО. Ф.24. Оп.3. Д.218. Л.1.
- 11 ПСЗ–I. Т.32. № 24992, 25301; РГИА. Ф.37. Оп.3. Д.126. Л.39–40, 50–50об., 52; ПСЗ–I. Т.32. № 25671; РГИА. Ф.37. Оп.3. Д.205. Л.1, 6–9.
- 12 ПСЗ–I. Т.22. № 16407; ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2563. Л.98.
- 13 ПСЗ–I. Т.24. № 18179; ГАСО. Ф.24. Оп.23. Д.7238. Л.392–393об.
- 14 ПСЗ–I. Т.29. № 22430; ГАСО. Ф.24. Оп.3. Д.218. Л.1.
- 15 ПСЗ–I. Т.32. № 25119; Т.39. № 29753; ПСЗ–II. Т.1. № 253; СЗ 1857 г. Т.7.

- Горный устав. Ст.494, 563, 2543, 2544.
- 16 РГИА. Ф.37. Оп.3. Д.609.
- 17 ПСЗ–II. Т.18. № 17268.
- 18 Там же. Т.19. № 19283. Ст.640.
- 19 ПСЗ–I. Т.23. № 17225.
- 20 ПСЗ–II. Т.14. № 12867; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.495.
- 21 ПСЗ–I. Т.32. № 25384. Отд.1. Ст.1, 2; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.504, 505.
- 22 ПСЗ–I. Т.29. № 22208. Ст.166, 167; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.506.
- 23 ПСЗ–I. Т.32. № 25384. Ст.3; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.516.
- 24 ПСЗ–I. Т.29. № 22208. Ст.175; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.517.
- 25 ПСЗ–I. Т.32. № 25119; ПСЗ–II. Т.1. № 253; Т.15. № 14266. Ст.1. Прим.3; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.520, 534, 534.
- 26 ПСЗ–I. Т.19. № 13770.
- 27 Там же. Т.22. № 16066; ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2905. Л.28.
- 28 ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2831. Л.26–32, 59.
- 29 Там же. Оп.23. Д.6637. Л.11.
- 30 ПСЗ–I. Т.32. № 25384. Отд.3; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.524.
- 31 ПСЗ–I. Т.30. № 23662; ГАСО. Ф.24. Оп.25. Д.537.
- 32 ПСЗ–I. Т.26. № 19881; СЗ 1857 г. Т.10. Ст.213, 217–225; ГАСО. Ф.24. Оп.2. Д.1251. Л.3; Оп.23. Д.5280; Положение об учреждении губерний. Ст.212, 213.
- 33 СЗ 1857 г. Т.10. Ч. 1. Законы гражданские. Ст.2032; ГАСО. Ф.24. Оп.23. Д.5328. Л.15; Д.5432. Л.8.
- 34 ПСЗ–II. Т.11. № 9699; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.530.
- 35 ПСЗ–II. Т.11. № 8782; Т.14. № 13993; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.1503.
- 36 РГИА. Ф.37. Оп.3. Д.611.
- 37 ГАСО. Ф.24. Оп.23. Д.5254. Л.10.
- 38 ПСЗ–I. Т.32. № 25384. Ст.2–9, 13; Т.40. № 30497; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.546.
- 39 Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002. С.37–82; Уставы кредитных установлений. Продолжение. Ст.330, 331; ГАСО. Ф.24. Оп.23. Д.5893. Л.11.
- 40 ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.242. Л.402.
- 41 Уставы кредитных установлений. Ст.544; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.525.
- 42 ПСЗ–II. Т.14. № 13993; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.1453.
- 43 ПСЗ–II. Т.20. № 19283–19286; ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.101. Л.40–45об.; Д.242. Л.278.
- 44 ПСЗ–II. Т.11. № 9699; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.529; Т.10. Ст.3821.
- 45 ПСЗ–II. Т.19. № 19283–19286. Ст.630, 2202.
- 46 Там же. Т.11. № 9699; СЗ 1857 г. Т.7. Горный устав. Ст.564.

- 47 РГИА. Ф.37. Оп.3. Д.825 б. Л.16.
- 48 Грамматчиков В.А. Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии. СПб., 1870. С.109–110 (цитата из книги английского автора Bainbridge «Low of Mine»).
- 49 ГАСО. Ф.43. Оп.1. Д.246. Л.218–233.
- 50 Яцунский В.К. Капиталы и доходы предприятий черной металлургии. С.188–198; Гуськова Т.К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1995. С.100; Мухин В.В. К вопросу о финансово-экономическом положении. С.29.
- 51 ГАСО. Ф.24. Оп.25. Д.537. Л.159; Д.649. Л.3; РГИА. Ф.37. Оп.3. Д.825 б. Л.22.
- 52 Грамматчиков В.А. Указ. соч. С.235.
- 53 Вычисления осуществлены на основе налоговой документации Горного департамента и Уральского Горного правления (РГИА. Ф.37. Оп.3. Д.229. Л.9–11; ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.2698а; Оп.4. Д.7; Ф.43. Оп.1. Д.320).

*Нефедов С.А.
(Екатеринбург)*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Одним из новых направлений, изучающих исторический процесс в контексте взаимовлияния внешних и внутренних факторов, является так называемая «технологическая интерпретации истории». Технологической интерпретации истории России был посвящен ряд работ В.В.Алексеева, В.В.Запария, Б.В.Личмана, С.А.Нефедова, И.В.Побережникова¹.

В основе технологической интерпретации истории лежит теория культурных кругов – историко-этнологическая концепция, весьма популярная в 20-х и 30-х гг. XX в. Как известно, создатель этой концепции Фриц Гребнер считал, что сходные явления в культуре различных народов объясняются происхождением этих явлений из одного центра². Последователи Гребнера полагают, что важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате великих, фундаментальных открытий. Фундаментальные открытия – это открытия, позволяющие расширить экологическую нишу этноса. Это могут быть открытия в области производства пищи, например, domestикация растений, позволяющая увеличить плотность населения в десятки и сотни раз. Это может быть новое оружие, позволяющее раздвинуть границы обитания за счет соседей. Эффект этих открытий таков, что